

Если говорить
начистоту...

ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ

«ЧЕЛОВЕКУ ТРУДНО. Он столкнулся с вопиющей несправедливостью. Помогите ему добиться правды...». Жизнь наша такова, что от кого бы ни исходил подобный сигнал, на него тотчас же откликаются десятки советских людей. И много дружеских рук — знакомых и незнакомых — протягивается навстречу человеку, попавшему в беду...

Пришедшее в редакцию письмо было очень тревожным. Его автор — актриса Луганского русского драматического театра Анна Ивановна Ч. рассказала историю, которая не могла не взволновать.

В прошлом году она, молодая выпускница Киевского театрального института, вместе с мужем актером Б. приехала в город Луганск, где живут ее родители. Полные творческих планов и надежд на будущее переступили они порог местного театра. Невскоро по непонятным причинам, как пишет автор, дирекция начала всячески притеснять молодых актеров — вплоть до того, что предложила им оставить театр. А тут еще неожиданное несчастье: Анна Ивановна заболела, легла в больницу... И всюду, куда бы они ни обращались за помощью, их встречали люди с холодными, черствыми душами.

Письмо заканчивалось так: «Прошу вас, уважаемые товарищи, поскорее приехать и помочь мне найти справедливость, ибо очень не хочется терять светлую веру в нее».

ПОЛУЧИВ ваше письмо, Анна Ивановна, мы срочно выехали в Луганск. Надо ли доказывать, что у нас не было и нет иных намерений, кроме желания восстановить справедливость, которой вы так упорно добиваетесь.

Давайте вспомним, как было дело...

В прошлом году вы пришли вместе с мужем в кабинет секретаря горкома партии Степана Федоровича Лебедева. Он был к вам очень внимателен, не правда ли? Узнав, что вы уроженка Луганска и хотели бы остаться здесь работать, он тут же снял трубку и попросил заместителя начальника областного управления культуры Сергея Николаевича Каплуна помочь вам и мужу стать артистами областного театра. Да и директора театра Ивана Григорьевича Шпаковского вряд ли можно упрекнуть в предвзятом отношении к вам. Скорее напротив: приказ о вашем зачислении в театр еще не был подписан, а вы уже получили от дирекции справки, необходимые для прописки в Луганске.

Итак, вы стали артистами областного драматического театра. Что же случилось потом, каких творческих успехов достигли вы и артист Б. до конфликта с дирекцией театра, какие отношения сложились у вас с коллективом?

Прежде всего о вашем муже. Вы, очевидно, помните, как были изумлены зрители города Краснодона, когда в спектакле «Замок Броуди» один из героев (его играл ваш муж) еле держался на ногах и вообще вел себя не так, как ему предписывал драматург. И ведь это, к сожалению, не единичный случай. Из шахтерского поселка с поэтическим названием «Счастье» также звонили возмущенные зрители и просили, имея в виду артиста Б., не присылать к ним больше пьяных исполнителей.

Вы не станете отрицать, что коллектив долгое время терпеливо относился к вашему мужу, на производственных совещаниях и общих

собраниях товарищи не раз старались убедить его измениться, перестать пить. И только тогда, когда стало очевидно, что уговоры и наставления не помогают, коллектив единодушно потребовал от администрации увольнения артиста Б.

Что же произошло с вами? По единодушному мнению ваших товарищей (среди них и те, к мнению которых вы апеллируете — Т. Какобян, Ж. Дмитриенко, В. Бобылева, Ф. Панасюк, В. Степанищев и другие), ваши творческие успехи в театре были более чем скромными. И тем не менее, когда дирекция освободила вас от работы, товарищи были на вашей стороне, особенно когда узнали, что вы больны. Встал на вашу защиту и народный суд, восстановивший вас в театре. Да иначе и быть не могло: в нашей стране не принято оставлять человека в беде. В то трудное для вас время вам готовы были простить и простили многое, в том числе и ваши бесконечные, чаще всего беспринципные и мелочные ссоры с администрацией. Товарищи надеялись, что в конце концов вы все-таки будете более требовательны к себе, сумеете найти свое место в коллективе. На защиту ваших интересов встал тогда и областной комитет профсоюза работников культуры.

КАК ВИДИТЕ, Анна Ивановна, у вас не было и нет оснований обвинять людей в бездушном отношении к вам. В Луганске много различных учреждений и, право же, трудно назвать среди них такое, которое не занималось бы в той или иной мере разбором ваших жалоб и заявлений: партийные и профсоюзные организации, суд, прокуратура, редакция «Луганской правды», управление культуры... Ваши претензии вовсе не касались каких-либо творческих вопросов, не ставили никаких проблем искусства, а сводились обычно к сугубо личным конфликтам и столкновениям. И тем не менее люди, не жалея времени, старались добросовестно разобраться в этих жалобах, защитить вас, если это нужно. От вас же требовалось только одно: самокритичнее относиться к своему творчеству, прекратить нервировать себя и других беспрестанными ссорами и конфликтами.

Вам, разумеется, было известно, в каких трудных условиях работает коллектив: два луганских театра — русский и украинский — живут в одном здании, чередуя свои постановки. Постоянные выезды в шахтерские клубы, параллельные спектакли, поздние возвращения в город — все это требовало напряженных усилий, труда. Что же касается вас, то вы по-прежнему, ни с кем и ни с чем не считаясь, думали только о своих личных интересах. Уже после восстановления в театре вас пробовали ввести в один из спектаклей, но художественный совет не одобрил вашей работы. Вы же снова обвинили всех в предвзятом к вам отношении.

В конце концов случилось то, что и должно было случиться — вам перестали верить, перестали серьезно относиться к вашим претензиям. Даже те, кто прежде поддерживал вас, старался вам помочь, как, например, актриса Валентина Бобылева, выступавшая, если вы помните, свидетельницей на суде, когда вас восстанавливали на рабо-

те, председатель месткома Борис Иванович Мизюкин, которому много пришлось повозиться с вами и с вашим мужем...

Мы сознательно не называем ваших фамилий... После увольнения вашего мужа из Луганского театра вы переехали в другой город и, очевидно, будете работать в новом коллективе — пусть ничто не напоминает вам о прошлом. Хочется лишь пожелать, чтобы вы и артист Б. сделали для себя серьезные выводы из «луганской истории», постарались понять, что во всем происшедшем виноваты не только и не столько окружавшие вас люди, сколько вы сами!

ИМЕННО ТАК нам хотелось бы ответить на письмо в редакцию артистки Ч., ибо нам кажется, что за этим «частным», на первый взгляд, случаем раскрываются явления, представляющие общественный интерес. Ведь нередко бывает так, что человек претендует на внимание и чуткость товарищей, считая возможным не платить за это столь же щедро и радостно!

Тревожный сигнал... Насколько меньше их было бы в редакционной почте и корреспонденции различных инстанций, если бы каждый из нас требовательнее относился к себе и уважительнее к своим товарищам, к коллективу. Сколько мы сбережем друг другу здоровья, сил, хорошего настроения, если взаимное уважение станет непреложным законом нашей жизни!

В. ЖЕГИС,
спец. корр. «Советской культуры».
ЛУГАНСК.